

УДК 372.881.161.1

ИЗУЧЕНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЭКСПРЕССИВНЫХ ЧАСТИЦ РУССКОГО ЯЗЫКА В ЧУВАШСКОЙ ШКОЛЕ

Бычков В.И.

ФГБОУ ВО Чувашский государственный педагогический университет имени И.Я. Яковлева, Чебоксары, e-mail: benjam@bk.ru

В статье рассмотрены трудности изучения эмоционально-экспрессивных частиц русского языка в чувашской школе. Выявлены основные причины возникновения названных трудностей: многогранная семантика, полифункциональность, культуроносная функция этих служебных слов, неясность коннотации без опоры на ситуацию общения, особенности грамматических систем русского и родного языка учащихся. Проанализированы основные эмоционально-экспрессивные частицы русского языка (а, же, ведь, вон, вот, ещё, ещё бы, ещё как, ещё какой, что за, ну и, тебе, то-то, -ка) в их сопоставлении с чувашскими аналогами, подобраны иллюстративные примеры из классической литературы, переведенной с русского на чувашский, и современных справочников. Установлено, что в области эмоционально-экспрессивных частиц в контактирующих языках существует достаточное (хотя и не всегда прямое) соответствие, дающее возможность адекватно передавать самые различные оттенки чувств. Делается вывод о том, что для развития у учащихся способности точно понимать конструкции с эмоционально-экспрессивными частицами русского языка и, соответственно, правильно их использовать в продуцируемой речи необходимо формировать у них умение соотносить эти служебные слова с эквивалентами в родном языке.

Ключевые слова: русский язык, служебные слова, эмоционально-экспрессивные частицы, чувашская школа, сравнительно-сопоставительное изучение.

STUDYING THE EMOTIONAL AND EXPRESSIVE PARTICLES OF THE RUSSIAN LANGUAGE IN THE CHUVASH SCHOOL

Vychkov V.I.

Chuvash state pedagogical University named after I. Ya. Yakovlev, Cheboksary, e-mail: benjam@bk.ru

The article considers the difficulties of studying the emotional and expressive particles of the Russian language in the Chuvash school. The main reasons for the emergence of these difficulties are revealed: the multifaceted semantics, polyfunctionality, the cultural function of these service words, the ambiguity of connotation without relying on the communication situation, the peculiarities of the grammatical systems of Russian and the native language of students. The main emotional and expressive particles of the Russian language are analyzed (and, well, after all, there, here, another, another, another how, another what, what for, well, you, something, - ka) in their comparison with Chuvash analogues, illustrative examples from classical literature translated from Russian into Chuvash, and modern reference books have been selected. It is established that in the field of emotional-expressive particles in the contacting languages there is a sufficient (although not always direct) a correspondence that makes it possible to adequately convey the most diverse shades of feelings. The conclusion is made that in order to form students' ability to accurately understand constructions with emotionally expressive particles of the Russian language and, accordingly, to use them correctly in the produced speech, it is necessary to form their ability to correlate these service words with equivalents in their native language.

Keywords: Russian language, service words, emotional and expressive particles, Chuvash school, comparative study.

Группу эмоционально-экспрессивных частиц, традиционно выделяемую в русской грамматике, представляют собой служебные слова, привносящие эмоциональную оценку в высказывание и усиливающие выразительность речи. Это ограниченная группа служебных слов, способных участвовать в репрезентации различных смысловых оттенков. В диссертационном исследовании П.А. Купоросова их число определяется как 27, без учета вариаций в комплексах [1].

При изучении этой группы частиц в чувашской школе учащиеся сталкиваются с трудностями, связанными с полным и точным пониманием смысла высказывания, содержащего указанные служебные слова. Такое положение дел объясняется рядом причин.

Во-первых, как показывают исследования, семантическое поле этих частиц многопланово и неоднородно, каждая из них может содержать набор различных оттенков значений, которые, дополняя друг друга, выражают сложную комбинацию чувств, понятную лишь в контексте [2-4]. Семантика эмоционально-экспрессивных частиц многогранна, «включает в себя как минимум три компонента: собственно эмоциональный, экспрессивный и модусный» [1, 5].

Во-вторых, частица является специфической частью речи, которая в каждом языке дополнительно выполняет определенную культурологическую функцию [5, 6]. Чтобы правильно понять собеседника, нужно иметь представление о традициях выражения оттенка чувств при помощи лексико-грамматических средств того или иного языка.

В-третьих, если в устной речи сама ситуация общения подсказывает настроение собеседника, то в письменной речи, которая не всегда содержит дополнительную информацию о ее эмоциональном содержании, начинающему изучать русский язык бывает трудно сориентироваться в выражаемой при помощи эмоционально-экспрессивных частиц коннотации.

Цель исследования – выявить особенности изучения эмоционально-экспрессивных частиц русского языка в чувашской школе.

На наш взгляд, лишь сопоставительное изучение и перевод на родной язык помогают учащимся чувашских школ полнее овладеть тонкостями употребления этой категории служебных слов.

Примечательно, что в чувашском языке выделяют также группу частиц, вносящих эмоционально-экспрессивные оттенки (усилительные частицы и частицы вежливости) [7, с. 393–395]. В качестве усилительных частиц выступают частицы *-ах(-ех), та (те), -иç, тёр, ёнтё, вёт*, в качестве частиц вежливости – *-ха, халё, халь, -çке* [7, с. 394]. Рассмотрим основные эмоционально-экспрессивные частицы в сопоставлении с аналогичными частицами в родном языке учащихся. Примеры для сопоставления постараемся подобрать из классической литературы, переведенной на чувашский язык.

Частица *а* в русском языке употребляется для подчеркивания удивления, восхищения или возмущения и побуждения собеседника разделить соответствующую эмоциональную окраску. Ей соответствуют в чувашском частицы *-и, -э*. Ср.: – *Теперь всё ладно, – сказал Архип, – каково горит, а? чай, из Покровского славно смотреть* [А.С. Пушкин. Капитанская дочка]. – *Халь ёнтё пурте йёркеллё, – терё Эрхип. – Епле вирлё çунать, э? Покровскинчен*

пӑхма пит те аван пулӑ (пер. Н. Ваҫҫанка, М. Сироткина). «Долг платежом красен, – сказал он, мигая и прищуриваясь. – Расскажи-ка мне теперь, какое тебе дело до той девушки, которую Швабрин обижает? Уж не зазноба ли сердцу молодецкому? **а?**» [А.С. Пушкин. Капитанская дочка]. – «Ҫӑкӑр-тӑвар хире-хирӗҫ, – терӗ вӑл, куҫне мачлаттарса тата хӗскелесе илсе. – Кала ёнтӗ халӗ эсӗ, Швабрин хӗсӗрлекен хӗрне санӑн мӗн ӗҫ пур? Маттур йӗкӗтӗн чӗри савнӑ чун мар-и вӑл?» (пер. Н. Ваҫҫанка, М. Сироткина).

Частица **же** служит для эмоционального выделения, подчеркивания: *Савельич так был поражен моими словами, что сплеснул руками и остолбенел. «Что же ты стоишь!» – закричал я сердито. Савельич заплакал* [А.С. Пушкин. Капитанская дочка]. – *Савельич, ку сӑмахсене илтсен, пӗтӗмпе ӑнтан кайса, аллисемпе сулса илчӗ те юпа пек хытса тӑчӗ. «Мӗн тӑратӑн **ҫак** эсӗ!» – ҫилеллӗн кӑшкӑрса пӑрахрӑм ӑна. Савельич йӗрсе ячӗ* (пер. Н. Ваҫҫанка, М. Сироткина).

Я выглянул из кибитки: все было мрак и вихорь. Ветер выл с такой свирепой выразительностью, что казался одушевленным; снег засыпал меня и Савельича; лошади шли шагом – и скоро стали. «Что же ты не едешь?» – спросил я ямщика с нетерпением [А.С. Пушкин. Капитанская дочка]. – *Таврара тӗттӗм, ҫавраҫил ҫавӑрттарать. Ҫилӗ, чунлах тейӗн, ҫав тери хаяррӑн шӑхӑрттарса улать. Мана та, Савельича та юр хупласа лартрӗ. Лашасем утса ҫеҫ пыркаларӗҫ те часах чарӑнса тачӗҫ. Эпӗ, тӑссесе тӑрайманнипе: «Мӗншӗн уттармастӑн-ха эсӗ?» – терӗм ямшӑка* (пер. Н. Вассанка, М. Сироткина).

Частица **ведь** используется для усиления, подчеркивания основного содержания высказывания. В чувашской грамматике ей соответствуют частицы *ара, ҫав, -ҫке, вӗт*. Последняя из них является заимствованной из русского. Ср: *Услыша, что у батюшки триста душ крестьян, – «легко ли! – сказала она, – ведь есть же на свете богатые люди!* [А.С. Пушкин. Капитанская дочка]. – *Ман аттен виҫҫӗр чуна яхӑн хресчен пур иккенне пӗлнӗ хыҫҫӑн, карчӑк «пыр та калас, – тесе хучӗ: – тӗнчере пуян ҫынсем пур **ҫав!*** (пер. Н. Вассанка, М. Сироткина). *И ведь пошел окаянный за перегородку; как ты думаешь! **ведь** отдернул занавес, взглянул ястребиными своими глазами! – и ничего... бог вынес!* [А.С. Пушкин. Капитанская дочка]. – *Пычӗ **вӗт** шуйттан! Чаршава уҫрӗ те хурчка куҫӗсемпе кан-н... пӑхса илчӗ... Юрать, турӑ ҫӑлчӗ!* (пер. Н. Вассанка, М. Сироткина).

В вопросительных предложениях частица **ведь** используется в случаях, когда говорящий ожидает положительного ответа, подтверждения сказанному (син.: *правда, не так ли*): *Смотритель смотрел в окошко, и когда коляска уехала, обратился к жене с восклицанием: «Пахомовна, знаешь ли ты что? **ведь** это был Дубровский!»* [А.С. Пушкин. Дубровский]. – *Пахомовна, ку кам пулнине палласа юлтӑн-и эсӗ? Дубровский **вӗт** вӑл, – терӗ* (перевод Н. Вассанка). *И жив, и на воле, и покамест у нас будут исправники заодно с ворами,*

до тех пор не будет он пойман; кстати, князь, Дубровский побывал **ведь** у тебя в Арбатове? [А.С. Пушкин. Капитанская дочка]. – *Вӑрӑсемпе пирӗн исправниксем пӗрле ёсслесси пӗтмесӗр, ӑна тытаймӗҫ. Сӑмах май, акӑ мӗн, князь, ыйтса пӗлем: Дубровский сан патӑнта, Арбатоваӑра, пулӑн темесӗҫ-и?* (перевод Н. Вассанка). В последнем примере значение частицы *ведь* передается вопросительной частицей *и*.

Частица **вон** употребляется в восклицательных предложениях при неожиданном обнаружении, уяснении чего-либо, для выражения оценки (чаще отрицательной) чьих-либо действий или для указания на высокую степень чего-либо. В чувашском языке ей соответствуют частицы **ав**, **иккен**. Ср.: *Вон сколько у тебя друзей. – Ав мӗн чухлӗ юлташ санӑн; Вон какой ты умный. – Эсӗ мӗнле тӑнлӑ иккен* [8].

Частица **вот** (чув. *ак, акӑ, вӑт*) совмещает в себе разные оттенки значений:

а) выражения угрозы сделать что-либо неприятное для собеседника или решительного намерения что-то сделать: *Вот скажу моему старшему брату, чтоб он тебе задал как следует, так он тебя одним мизинцем поборот* [М. Твен. Приключения Тома Сойера]. – *Эпӗ хамӑн пиччене каласа кӑтартатӑн. Вӑл сана кача пӑрнпех пӗсӗрккӗ нама пултарать. Эпӗ ӑна калатӑн, вӑл сана хӗнет* (пер. Ф. Ишетер). Как видим, при переводе без эмоционально-экспрессивной частицы утратилось значение решительного намерения, а вместе с тем и экспрессивности речи героя.

Ну погоди, любезный, я тебя поколотил в первый же день и еще поколочу! Дай только добраться! Вот как возьму да... [М. Твен. Приключения Тома Сойера]. – *Тӑхта-ха! Эпӗ сана пирӗн хулана килсе ҫитсенех, пирвайхи кунӗнчех хӗненӗччӗ-ха, сана татах тытса хӗнетӗн. Тӑхта, мистер, яrsa илӗп-ха эпӗ сана!* (пер. Ф. Ишетер);

б) удивления, восхищения: – *Вот!* – *сказала Лиза, – господа в ссоре, а слуги друг друга угощают* [А.С. Пушкин. Дубровский]. – *Акӑ епле, терӗ Лиза, – улпурсем вӑрҫса пурӑнаҫҫӗ, тарҫисем пӗрне-пӗри хӑна тӑваҫҫӗ* (перевод Н. Ваҫсанка);

в) разочарования: *Вот ты как!* – *Вӑт мӗнлерех эсӗ!*;

г) противоречия: *Вот ещё!* – *Тата мӗн!*;

д) подчеркивает значимость того, о чем говорится: – *Вот это повеселимся так повеселимся!*

– *Еще бы! И клятву приносят ровно в полночь; и надо, чтобы место было самое страшное и безлюдное – лучше всего в таком доме, где «нечисто», только их теперь все срыли ...* [М. Твен. Приключения Тома Сойера].

– *Вӑт, вӑл аван, Том!* – *Аван пулмасӑр. Присягине тата лӑп ҫур ҫӗр тӗлӗнче ҫын пӗртте ҫӑрмен, чи хӑрушӑ ҫӗрте памалла, усал тухакан ҫуртра присяга парсан тата лайӑхрах пулать. Анчах халӗ ҫав ҫуртсене пурне те тустарса пӗтернӗ...* (пер. Ф. Ишетер);

е) положительной или отрицательной оценки: *Вот терпение! – Акӑ (мӑнле)тӑсӑмлӑх!*
Вот они лентяи! – Акӑ вӑсем кахалсем!

Частица **ещё** используется для придания выразительности и оттенка неудовольствия по поводу соответствующего вопроса или заявления: – *С вами в горелки бегать! Невозможно!*
– *Очень возможно! Да что еще выдумал! Поймает, и ну целовать!* [А.С. Пушкин. Повести Белкина]. – *Сирӑнне ик енле выляма-и? Пулма пултараймасть! – Пит те пултарать. Ситменнине мӑн шухӑшласа кӑларчӑ тата хӑй: тытать те чуптума тытӑнать!* (перевод Ст. Ухантея).

Она также может выражать неопределенность: *Когда ещё мы встретимся снова!* –
Тахсан тӑл пулӑпӑр ӑнтӑ тепре!

Частица **ещё бы** используется в качестве эмоционально подчеркнутого утвердительного ответа на вопрос общего плана (естественности указанного эмоционального состояния, положения дел, наличия для них достаточного основания; на закономерность какого-либо поведения, какой-либо реакции на что-либо). В чувашском языке ей соответствует словоформа с аффиксом **-сӑр**, также имеющая экспрессивную окраску:

– *Как ты думаешь, Гекки, мертвецы не обидятся, что мы сюда пришли?*

– *Я почему знаю. А страшно как, правда?*

– **Еще бы** не страшно ... [М. Твен. Приключения Тома Сойера].

– *Эсӑ мӑнле шухӑшлатӑн, Гекки, – тесе пуçласа ячӑ вӑл, – эфир кунта килнине вилнӑ сынсем килӑштересчӑ-ши?*

Гекльберри хирӑç шӑпӑн çапла, каларӑ:

– *Кам пӑлет вӑсене, пӑлместӑн! Хӑрушӑ кунта. Чӑнах вӑт?*

– *Хӑрушӑ пулмасӑр!* (пер. Ф. Ишетер).

Обращаем внимание, что при переводе этих конструкций часто теряется особое эмоциональное выделение, если заменять их частицами, имеющими общее значение согласия. Ср.: – *Ну хоть в полночь, и то хорошо, Том. – Еще бы не хорошо! И клятву надо приносить над гробом и подписывать своей кровью ...* [М. Твен. Приключения Тома Сойера].

– *Çур çӑр вӑл – аван вӑхӑт, Том. – Ия. Присягине эфир тупӑк çинче паратпӑр та юнпала алӑ пусатпӑр* (пер. Ф. Ишетер).

Частицы **еще как**, **еще какой** употребляются в качестве ответной реплики для выражения высокой степени проявления какого-либо действия, состояния, признака.

– *Знаешь, Бекки, вот что мы с тобой сделаем. Вместо того чтобы идти к Джо Гарперу, мы поднимаемся в гору и пойдём к вдове Дуглас. У нее бывает сливочное мороженое почти каждый день – да еще какими порциями! Она нам обрадуется, вот увидишь...* [М. Твен. Приключения Тома Сойера].

– *Итле-ха, пёлетён-и, мён таватпър эфир? Джо Гарперсем патне кайса суриччен луччэ ту синелле улхатпър та талх арэм Дуглас патёнче сёр каçатпър. Унён хаймаран туня мороженай пулать. Унён кашни кунах тенё нек мороженай, – темён чухлех! Купи-купипех! Эфир пырсан, въл пите хёпёртет* (пер. Ф. Ишетер). Высокая степень проявления признака в чувашском языке в данном случае передается при помощи аффикса *-ex* и повторением лексемы *купа* (куча), досл. *кучами-большими кучами*.

Частица **что за** употребляется при выражении эмоциональной оценки (восхищения, возмущения, осуждения и т. п.), близка частице **ну и!** Ср.: *Калитка была отперта, он пошел на лестницу, и тот за ним. Адриану показалось, что по комнатам его ходят люди. «Что за дьявольщина!» – подумал он и спешил войти... тут ноги его подкосились* [А.С. Пушкин. Капитанская дочка].— *Адриана хай пўлёмёсенче сынсем суренё нек туйанчэ. «Мён хаямачё ку!» - тесе шухайшларё те въл, васкаса пўрте кёчэ... кунта вара унён урисем лаштарак кайрёç* (пер. Н. Вассанка, М. Сироткина). *«Так вы знали мою Дуню? – начал он. – Кто же и не знал ее? Ах, Дуня, Дуня! Что за девка-то была! Бывало, кто ни проедет, всякий похвалит, никто не осудит. Барыни дарили ее, та платочком, та сережками* [А. С. Пушкин. Повести Белкина]. – *«Эсир ман Дуньяна пёлеттёрччэ апла? – тесе нусларё въл. - Кам кйна пёлмен пулэ айна? Ах, Дуня, Дуня! Мёнке кйна хёрччэ въл! Кам кйна килместчэ, айна пурте мухтатчёç, никам та хурламан. Улпут арёмёсем айна е тутарсем, е халха çаккисем паратчёç* (перевод Ст. Ухантея). *Те из моих читателей, которые не жили в деревнях, не могут себе вообразить, что за прелесть эти уездные барышни!* [А. С. Пушкин. Повести Белкина]. – *Ман вулакансенчен ялта пурайманнисем уездри хёрсем мён тери кймала килекен сынсем иккенне ниепле те пёлме пултраймаççё!* (перевод Ст. Ухантея).

Частица **ну и** употребляется при выражении восхищения, удивления или неодобрения. В чувашском языке есть аналогичная частица **ну**. Ср.: *Но Том не стал дожидаться продолжения. Выбегая за дверь, он крикнул: – Я это тебе припомню, Сидди! – Она бы ничего не заметила, если бы не Сид. Вот черт! То она зашивает белой ниткой, то черной. Хоть бы одно что-нибудь, а то никак не уследишь. Ну и отлуплю же я Сиду. Будет помнить!* [М. Твен. Приключения Тома Сойера].

Анчах Том ку каласу малалла тасаласса кётсе тямарё: «Ну, пёрре лектеретён сана, Сидди!» – тесе кайкарса пўлёмрен тухса тарчэ. – Сид каламан пулсан, въл астывас та çукчэ. Мйанакка та аван-çке: пёрре унён хура çип пулать, тепре – шурй. Çёлесчэ яланах, пёр тёслипе, ахаллён ирёксёрех унта атаиса кайан... Сидне çавах лектеретён-ха, - лектермесен, çава патнех каймалла пултър (пер. Ф. Ишетер).

Частица **тебе** используется для выражения удивления, разочарования. Она образована из личного местоимения, в чувашском языке также наблюдается аналогичный переход из

местоимения в частицу, вполне возможно, под влиянием русского языка: *Савельич от меня не отставал, поговаривая про себя: «Вот тебе и государев кум! Из огня да в полымя... Господи владыко! чем это все кончится?»* [А.С. Пушкин. Капитанская дочка]. – *Савельич манран юлмасть, хай асён: «Акй сана патша кумё! Вутран тухса сулам йшне тенё некех пулчё ку... Ах, сырлахах туря! Мённе пётё-иш ку ёс!»* – *текелет* (пер. Н. Вассанка, М. Сироткина). *«Выходи, бесов кум! – сказал мне усастый вахмистр. – Вот ужю тебе будет баня, и с твоею хозяйушкой!»* [А.С. Пушкин. Капитанская дочка]. – *«Тух, эсрел кумё! терё мана вярём майахла вахмистр. – Каярахна сана, хаван арёмупа пёрлех, акй мунча пулё!»* (пер. Н. Вацанка, М. Сироткина).

Частица **то-то (вот то-то, то-то вот)** употребляется в ответной реплике для подчеркивания важности какого-либо обстоятельства, упомянутого собеседником, для выражения внезапно возникшей догадки, внезапно обнаружившейся причины чего-либо неясного: *«То-то, батька мой, – отвечала она, – не тебе бы хитрить; посылай-ка за офицерами»* [А.С. Пушкин. Капитанская дочка]. – *«Сапла савя, ашиё, санран пулмасть суясси, чёнтер офицерсене», тенё ана арёмё* (пер. Н. Вацанка, М. Сироткина).

– **То-то!** – *сказал я Пугачеву. – Не лучше ли тебе отстать от них самому, заблаговременно, да прибегнуть к милосердию государыни?* [А.С. Пушкин. Капитанская дочка]. – **Савя сав!** – *терём энё Пугачева. – Хаварах вёсенчен вяхтра уйяралса, ыря патшана паранма тарышсан, аванрах пулмё-и?* (пер. Н. Вацанка, М. Сироткина).

Частица **-ка** после формы повелительного наклонения употребляется для придания оттенка увещания, для смягчения приказа: *Пугачев осведомился о состоянии крепости, о слухах про неприятельские войска и тому подобном, и вдруг спросил его неожиданно: «Скажи, братец, какую девушку держишь ты у себя под караулом? Покажи-ка мне ее».* [А.С. Пушкин. Капитанская дочка]. – *Пугачев крепосре ёсем мёнле пыни синчен, тайшман сарёсем енёпе мёнле хыпар-хайнар суренине тата ытине те ытса пёлчё те, сасартак, кётмен сёртенех Швабрина: «Каласа пар-ха, шаллам, хурал аллинче мёнле хёре усратан эсё? Кайарт-ха мана ана?»* – *терё* (пер. Н. Вацанка, М. Сироткина).

При глаголах 1-го лица единственного числа будущего времени частица **-ка** означает возникшее желание, решимость что-нибудь сделать: *Выйду-ка на улицу подышать. – Урама сывлама тухам-ха.*

Выводы. Таким образом, сравнительно-сопоставительное изучение основных эмоционально-экспрессивных частиц русского языка и их эквивалентов в чувашском языке показывает их наличие и достаточное (хотя и не всегда прямое) соответствие, дающее возможность передавать различные оттенки чувств. Для формирования у учащихся способности адекватно понимать конструкции с эмоционально-экспрессивными частицами

русского языка и, соответственно, правильно их использовать в продуцируемой речи необходимо умение соотносить эти служебные слова с эквивалентами в родном языке учащихся. Такое умение формируется в процессе продолжительного и вдумчивого изучения русской грамматики с опорой на грамматические законы родного языка, поскольку, как правило, специального рассмотрения этой темы на уроках не предусмотрено.

Список литературы

1. Купоросов П.А. Семантика эмоционально-экспрессивных частиц современного русского языка: автореф. дис. ...филол. наук. Москва, 2008. 23 с.
2. Колесникова С.М. Русские частицы. Семантика, грамматика, функции: монография. 2-е изд., стер. М.: Флинта: Наука, 2014. 110 с.
3. Морковкин В.В., Богачёва Г.Ф., Луцкая Н.М. Большой универсальный словарь русского языка. М.: АСТ-ПРЕСС школа, 2018. 1451с.
4. Бычков В.И. Коммуникативно-деятельностный подход к изучению частиц русского языка в чувашской школе // Русский язык и литература в тюркоязычном мире: современные концепции и технологии: материалы Междунар. научн.-практ. конф. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2016. С. 73-78.
5. Николаева Т.М. Функции частиц в высказывании (на материале славянских языков) / отв. ред. В.Н. Топоров. М.: Едиториал УРСС, 2005. 168 с.
6. Бычков В.И. Трудности учащихся чувашских школ при изучении частиц русского языка // Концепт: Современные проблемы развития русского языка. 2015. Т. 24. С. 21-25. [Электронный ресурс]. URL: <http://e-koncept.ru/2015/95271.htm>. (дата обращения: 11.07.2021).
7. Павлов И.П. Современный чувашский язык: монография: в 2 т. Т. 2. Морфология. Чебоксары, 2017. 448 с.
8. Электронла̄ с̄махсар (электронный словарь чувашского языка). [Электронный ресурс]. URL: <http://samahsar.chuvash.org/> (дата обращения: 11.07.2021).